Текст · 26 марта 2025, 08:49
Софья Крылова, Елена Дымова, Дмитрий Швец, Елизавета Нестерова,

Дело 24-х. Как пытали, судили и обменивали пленных украинцев из «Азова»

В Ростове-на-Дону завершился самый массовый и громкий процесс над украинскими военнопленными. Южный окружной военный суд вынес приговор по «делу 24-х» — на скамье подсудимых сидели солдаты и офицеры, а также завскладом, поварихи и разнорабочий, служившие в отряде специального назначения «Азов». В России это подразделение признано «террористической организацией». «Медиазона» пристально следила за судом, который тянулся с июля 2023 года, и рассказывает все, что узнала за это время.

Краткое содержание

- В Южном окружном военном суде в Ростове-на-Дону тройка судей под председательством Вячеслава Корсакова вынесла приговор бывшим служащим украинского отряда специального назначения «Азов». Все они попали в плен, были задержаны при фильтрации либо сами сдались оккупационным властям в Мариуполе весной 2022 года.
- Среди фигурантов дела не только военные, но и обслуживающий персонал части: разнорабочий, поварихи, кладовщица. Все они признаны виновными в захвате власти и организации деятельности террористической организации либо участии в ней, а некоторые — в прохождении обучения для террористической деятельности.

• 12 украинцев получили сроки от 13 до 23 лет строгого режима. Алексея Смыкова приговорили к 23 годам в колонии строгого режима; Артура Грецкого, Ярослава Ждамарова, Александра Мероченца, Александра Мухина, Никиту Тимонина и Олега Тышкула — к 22 годам; Артема Гребешкова и Александра Ирху — к 20 годам; Анатолия Грицыка — к 19 годам; Олега Мижгородского — к 17 годам; Олега Жаркова — к 13 годам. Большинство намерены обжаловать приговор, сообщили «Медиазоне» их защитники.
• Судебный процесс длился с лета 2023 года. За это время девять женщин из числа обвиняемых вернулись в Украину по обмену, а один из военнопленных умер в СИЗО. Еще двоих украинских военных обменяли до начала суда.
• Во время суда обвиняемые рассказывали о систематических зверских пытках и унижениях: в СИЗО Донецка украинцев избивали до переломов, допрашивали с мешками на головах, заставляли с утра до вечера стоя петь гимн России и скандировать «Ахмат — сила», в пищу умышленно добавляли помои или бытовую химию, женщины были лишены средств гигиены, а труп умершего пленного несколько суток оставался лежать в переполненной камере. В Ростове-на-Дону подсудимых тоже избивали — этим занимался конвой из СОБРа.
• Подсудимые говорят о странных язвах, которыми многие из них покрылись в донецком СИЗО — по их словам, люди там «гнили заживо».
• Украинцы просили исключить из дела свои показания, данные под пытками, но суд отказал в этом.

Всего через несколько дней после вторжения в Украину российские войска вышли к западным окраинам Мариуполя, в начале марта город был окружен. Еще через месяц украинские военные оказались заблокированы на территории металлургического предприятия «Азовсталь» вместе с мирными жителями, нашедшими убежище в подвалах комбината.

Особую роль в обороне осажденного завода играл отдельный отряд специального назначения «Азов» в составе 12-й бригады Нацгвардии Украины (в/ч 3057).

К середине мая у гарнизона «Азовстали» не осталось ресурсов продолжать сопротивление. В ночь на 17 мая несколько десятков тяжелораненых вывезли в больницу Новоазовска, а еще 211 человек — в бывшую колонию № 120 в Еленовке, где с началом войны оборудовали лагерь[1] для пленных. 20 мая Минобороны России сообщило о сдаче в плен 2 439 украинских военных.

Владимир Зеленский тогда сказал, что Украина будет добиваться их освобождения по обмену.

В сентябре 2022 года между Россией и Украиной действительно прошел большой обмен пленными. В Украину вернулись 215 человек, в их числе 108 защитников «Азовстали». Взамен Москва получила 55 пленных и Виктора Медведчука — украинского политика, известного близостью к Владимиру Путину. На родине его ждал суд по делу о госизмене.

Z-общественность этот обмен возмутил: получалось, что ради спасения «кума Путина» Кремль

освободил верхушку «Азова», в том числе командира подразделения Дениса Прокопенко и его заместителя Святослава Паламаря.

К этому моменту Верховный суд признал «Азов» «террористической организацией», а пропаганда без устали повторяла, что служат в нем поклонники Гитлера, оккультисты, русофобы, сатанисты и каннибалы.

Более того, за месяц до обмена на сцене филармонии в Мариуполе построили металлические клетки, а глава самопровозглашенной ДНР Денис Пушилин подтвердил, что они предназначены для бойцов «Азова» — подсудимых на будущем показательном трибунале.

Этими клетками так и не воспользовались — в Мариуполе до сих пор не провели ни одного суда над украинскими военнопленными.

Вместо этого сотни пленников перевели из ДНР в российские СИЗО, и их дела стали рассматривать российские военные суды.

В начале марта шеф СК Александр Бастрыкин сказал, что приговоры вынесены уже 145 бойцам «Азова».

Фигуранты

Самое крупное и громкое на сегодняшний день дело против пленных из «Азова» — «дело 24-х». На скамье подсудимых оказались 15 мужчин и девять женщин.

Далеко не все они держали в руках оружие, а некоторые уволились из армии еще до начала российского вторжения. Среди обвиняемых были профессиональные военные — но были также поварихи, завскладом, водители, кинолог и разнорабочий. Некоторых взяли в плен во время боев, кто-то был схвачен при попытке покинуть Мариуполь, кто-то задержан дома по доносу соседей, кто-то сам сообщил оккупационным властям, что служил в «Азове».

12 граждан Украины получили огромные сроки в колониях строгого режима — от 13 до 23 лет.

11 человек осуждены заочно[2] — их обменяли на пленных россиян. Девять женщин вернулись в Украину по обмену 13 сентября 2024 года. Еще двоих фигурантов «дела 24-х» обменяли до начала судебного процесса в Ростове: это 28-летний Давид Касаткин[3] и 24-летний Дмитрий Лабинский[4].

Еще один украинец, Александр Ищенко, не дожил до приговора и умер в российском СИЗО, дело в отношении него прекращено.

«Медиазона» изучила показания, которые давали пленные в суде, и коротко рассказывает о каждом.

Елена Аврамова, 51 год

Елена Аврамова. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Жительница села Урзуф Донецкой области, где располагалась база «Азова». После школы выучилась на повара-кондитера. Торговала на рынке продуктами и женской одеждой, бизнес шел плохо. В 2013 году потеряла мужа. Содержала пожилых родителей, растила двоих детей, сын готовился поступать в вуз. В декабре 2020 года устроилась в «Азов» поварихой по контракту.

22 февраля 2022 года часть перешла на казарменное положение; «естественно, явилась». Домой уже не отпустили, позже вывезли на «Азовсталь». Там «все стало ужасно»: «столовую разбомбили, жили в бункере, пока все это не разрушилось». Когда разрешили уйти с завода, не попала в организованную группу. 18 марта выехала с одной из женщин на ее машине. Пропустили в село Ялта, там встретила сестра, забрала к себе домой. 22 марта сходила в отдел полиции, отпустили после беседы.

Через два дня Аврамову забрали из дома и отвезли в поселок Мангуш на первый допрос. Отобрали телефон и документы, продержали четыре дня в каком-то помещении. Кормили «иногда». Потом завязали глаза, замотали руки скотчем и куда-то повезли. Была «в шоковом состоянии», не понимала, что происходит. Родным ничего не сообщили, от адвоката заставили отказаться: «Вас здесь все ненавидят, никто не хочет сесть рядом». Протоколы допросов прочитать не могла: зрение +3, очков не давали.

В суде сказала: «Я никогда в жизни никого не обидела, не стреляла ни в кого. Я училась в русской школе, разговариваю и думаю на русском языке.

Я ненавижу фашизм, Гитлера». В 2023 году уже в Ростове перенесла операцию после перелома шейки бедра, тяжело восстанавливалась.

Нина Бондаренко, 41 год

Нина Бондаренко. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Жила в Днепропетровской области с мужем, детьми, свекром и племянницами, которых муж взял под опеку после смерти сестры. Потеряла работу «на водоканале», искала новую: сын собирался поступать, нужны были деньги. В ноябре 2020 года подписала контракт, стала поварихой в «Азове». Политические взгляды не выясняли, говорить на украинском языке не требовали.

За два дня до войны всем сказали собраться на базе, «думали, что это подготовка коронавирусная». Вывезли на «Азовсталь», поварихи были там до 17 марта, пока командование не разрешило покинуть завод: все равно «все столовые были разбиты». Из Мариуполя с частью женщин пошла в сторону села Ялта, там сдались оккупационным войскам. Ночевали в гараже, утром отвезли в Мангуш, оттуда — в Донецк.

В Донецке в УБОП на голову надевали мешок, перематывали руки скотчем, избивали. Протоколы допроса читать не давали, говорили: «В чем тебя обвиняют, тебя не касается, подписывай, других

вариантов у тебя нет». Угрожали, что защищать украинцев не будет ни один адвокат, а если кто-то согласится — тоже «присядет или еще что-то в таком плане». С протоколами допросов не согласна: «То, что там написано, это ужас, фантастику можно писать».

Алена Бондарчук, 43 года

Алена Бондарчук (крайняя справа). Во время судебных заседаний она отворачивалась от камер. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Жила в Мариуполе в общежитии вместе с родителями. До 2018 года работала пекарем в супермаркете, там не платили зарплату, уволилась и решила пойти поваром в воинскую часть. До февраля 2019 года в «Азове» была вольнонаемной, потом сказали подписать контракт. Уже через восемь месяцев захотела уйти, не отпустили. Один раз возили на учебные стрельбы: «Стрельнула, заложило уши, испугалась и сказала, что больше не могу». После окончания трехлетнего контракта оставаться не хотела: заработала на квартиру, думала взять ребенка из приюта.

22 февраля вышла в часть: «Попросили, потому что работать было некому, как добрая девчонка, согласилась». Домой не вернулась. До 17 марта была на «Азовстали», потом выехала «в безопасное место» в Мариуполе. Была в числе женщин, которые решили сдаться, «потому что некуда было идти», и сами пошли к блокпосту. С протоколами допросов в суде не согласилась: «Конечно, били». На первом заседании

в Ростове судья разрешил Бондарчук не вставать по состоянию здоровья.

Наталья Гольфинер, 51 год

Наталья Гольфинер. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Жила с мужем, больной матерью и семьей дочери. Работала дояркой, пока не развалился колхоз. Стабильной работы не было, зятю потребовались деньги на операцию. В мае 2019 года по совету знакомой подписала контракт, пошла в «Азов» поварихой. Из-за проблем со здоровьем в цеху работать не смогла, стала начальником производственного склада. В подчинении были только грузчики.

В части не была с 15 января 2022 года: сначала был отпуск, потом попала в больницу с гипертоническим кризом, там заболела ковидом. 24 февраля сказали приехать в военкомат — отказалась. Когда устраивалась на работу, была договоренность, что в военных действиях не участвует: «На руках двое внуков, три больных человека и дочь, которая с этим всем не могла никак справиться». Уезжать не собиралась: «Это моя земля, моя жизнь».

На третий день войны в поселок, где жила Гольфинер, вошли части самопровозглашенной ДНР. По телевизору сказали, что украинским военным без «крови на руках» можно сдаться, после проверки их

отпускают через три дня. 4 апреля муж сам отвез ее в отдел полиции, ждал до вечера. В это время Наталья уже была в Старобешево. Через два дня отвезли в донецкий УБОП, допросили, отправили в лагерь в Еленовку. Когда заметила, что в протоколе записано не то, что она говорила, ответили: «Какая тебе разница? Ты повар, всю Россию поварами не засадят, подписывай».

«Угрожали, рядом избивали других». В суде сказала, что «варить борщ — это не захват власти».

Артем Гребешков, 32 года

Артем Гребешков. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Отец маленькой дочки. В апреле 2017 года заключил контракт с в/ч 3057, чтобы избежать срочной службы и хорошо зарабатывать. Отвечал за хранение и выдачу амуниции. В мае 2021 года уволили из-за «нарушения устава и воинской дисциплины». В военных действиях не участвовал. 15 апреля 2022 года задержали «по надуманным основаниям лица чеченской национальности». В донецком УБОП сломали три ребра. В Еленовку забирать не стали, «потому что был весь синий». Показания, которые давал на следствии, в суде объяснил насилием и «так называемыми беседами». В прокуратуре «просто переписали то, что составил УБОП», допроса «особо не было». Защитника видел только один раз «буквально пять секунд» и с ним не

разговаривал: «Привезли в мешке, подняли мешок, увидел защитника, надели мешок заново».

Артур Грецкий, 22 года

Артур Грецкий. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Жил в Северодонецке. В 14 лет вступил в партию «Национальный корпус» после того, как на открытой тренировке по боксу познакомился с парнями из движения. Втянулся в «волонтерскую, культурно-массовую, спортивную деятельность», помогал детским домам. В 2020 году ушел из партии из-за нехватки времени. Нужно было служить: решил пойти на контракт, чтобы «совместить приятное с полезным». Выбрал «Азов» из-за хороших условий. Назначили наводчиком-оператором БТР.

К русским относится без ненависти: «Я любил свою страну, любил своих, у меня не было никакой ненависти к соседям, даже если они ведут агрессивную политику». Запомнил, что с началом боев от командиров было указание: «Если не уверены в том, что видим противника, не стрелять».

21 апреля должен был прорваться на «Азовсталь», но попал под несколько обстрелов, ранило. Переоделся в гражданскую одежду, спрятался в городе. Собирался обойти блокпост через частный сектор, попал в плен. Сначала был на «какой-то позиции», потом перевезли в отдел полиции в поселок Володарского.

5 мая в донецком УБОП составили протокол об административном задержании, 23 мая заключили под стражу. С адвокатом впервые встретился в сентябре в прокуратуре, до этого, как и все, подписал отказ: «Диктовали, что писать».

Матери Грецкого в апреле 2022 года сообщили, что сын погиб; по данным «Би-би-си», был опубликован указ Владимира Зеленского о его посмертном награждении орденом «За мужество». В августе Артур позвонил матери из Донецка и сказал, что он в плену.

Анатолий Грицык, 48 лет

Анатолий Грицык. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Кадровый офицер, участвовал в миротворческих миссиях вместе с российскими военными. В 2008 году уволился в запас. В 2015 году стало не хватать денег, пошел в «Азов» «деловодом» (делопроизводителем). В 2018 году мобилизовали, предложили остаться в части в должности заместителя командира отряда по вооружению и технике. В августе 2019 года уволился в звании подполковника из-за конфликта с командованием. Помогал жене с бизнесом, потом устроился на железнодорожный вокзал в Мариуполе — охранять и сопровождать грузы.

Официально задержали в апреле 2022 года, на самом деле — еще 18 марта. Больше месяца провел в подвале в Мангуше, в Еленовке и ИВС Донецка.

В протоколах допроса писали «полный абсурд», впервые прочитал их уже в донецком СИЗО, «когда вывозили на ознакомление». Гражданскую жену Грицыка несколько раз задерживали, проверяли на участие в террористическом сообществе, но ничего не нашли. В последнем слове он упоминал, что на его глазах имитировали расстрел супруги.

Ярослав Ждамаров, 32 года

Ярослав Ждамаров. Фото: Александра Астахова / Медиазона

В 2015 году начали приходить повестки. Отец рассказал про «Азов», там предложили службу «созидательного характера». В январе 2016 года подписал контракт. Недолго служил в инженерно-саперной роте, вскоре перевелся в кинологический взвод. В службе «разочаровался», в 2019 году «со скрипом» уволили. С осени того же года работал кинологом в приюте в Грузии, в пандемию ковида вернулся в Мариуполь. В 2022 году работал в охранном холдинге и оказывал частные кинологические услуги.

Когда началась война, мать и невеста решили не уезжать. Оставить их «просто не мог себе позволить, понимал, что нужен именно в этом месте, здесь и сейчас». После того как дом разбомбили, поехали в лагерь для беженцев в поселке Безымянный. Когда убедился, что «все нормально, женщины в безопасности», сам пошел к коменданту лагеря.

Защитника впервые увидел «на третье посещение прокуратуры»: «Ха-ха, хи-хи, сказал, где расписаться, даже не помню, что я там писал».

Олег Жарков, 53 года

Олег Жарков. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Был на базе «Азова» разнорабочим с декабря 2017 года по март 2022-го, убирал мусор и помогал на кухне. Оружие выдавали, но Жарков положил его под кровать и «даже в руки не брал»: «Зачем в столовой автомат?». Часть «ничем не отличалась абсолютно» от той, где Жарков служил в советской армии. После начала войны остался на работе, потому что «было стыдно бросить девчонок, с которыми проработал уже четыре года». Помог поварихам перевезти тяжелые вещи на «Азовсталь», а сам пошел к пожилым родителям, у которых «загорелся дом». В начале апреля с родителями пришел на пункт фильтрации, рассказал, что работал в «Азове», «сразу надели мешок на голову».

До официального задержания 14 апреля держали в Новоазовске. Показания в донецком УБОП давал под пытками: «Ставили босиком на мороз, пальцы до сих пор черные».

Александр Ирха, 46 лет

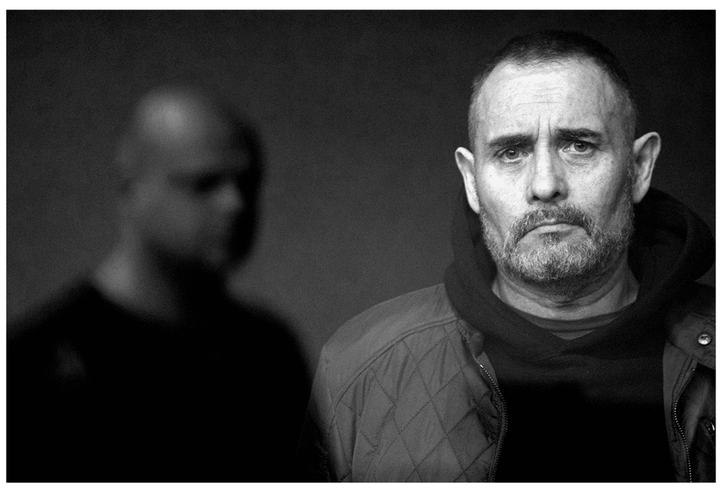

Александр Ирха. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Жил в Мариуполе. Служил в «Азове» в должности механика-водителя с 2015 года по май 2020-го. После увольнения работал на металлобазе бригадиром. Официально задержали 18 мая, до этого сломали три ребра. В суде от дачи показаний отказался.

Сын Ирхи Андрей рассказал «Медиазоне», что силовики самопровозглашенной ДНР «целенаправленно» пришли к ним домой в середине апреля. Тогда в городе была «зачистка»: искали спрятавшихся солдат ВСУ, а пророссийски настроенные местные жители подсказывали, «кто где служил». Первым забрали Ирху-младшего как бывшего сотрудника полиции: «Были допросы, побои, пробили ногу ножом». В фильтрационном лагере в Безымянном он увидел отца, который, в отличие от Андрея, фильтрацию не прошел. Почти год семья не знала, что с ним, «звонили на горячие линии, в МВД, МЧС». Потом освободившийся друг Александра сообщил, что видел его в донецком СИЗО. Еще через «полгода тишины» появились новости о том, что его судят в Ростове. Сейчас Андрей Ирха находится на украинской территории, а его мать и бабушка по отцу остались в Мариуполе.

Александр Ищенко. Умер в ростовском СИЗО в возрасте 55 лет

Александр Ищенко. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Резервист, жил в Мариуполе. После начала войны позвонили и «предложили мобилизоваться». «Обстреливали мой город, надо было идти». К людям из ДНР относился «как ко всем», но считал, что Украина «должна быть целостна, как она и была». Обратился в ближайшую в/ч 3057, чтобы вступить в тероборону, «потому что военкомата уже не было». Оформили водителем, утром 27 февраля попал на «Азовсталь». Возил сначала воду и продукты, потом раненых. Позже отправили на позицию, «просто наблюдали там за передвижением» российских войск. 26 марта позицию «с двух сторон начали разбивать полностью», получил контузию, «отсиделся несколько дней» у местных. Потом решил идти домой, но «дома уже не было».

После задержания допрашивали в пожарной части в Новоданиловке. «Сказал, что наблюдали, больше ничего не делали, потому что нас обстреливали танки».

4 апреля доставили в Безымянное, пробыл там два дня. Держали с мешком на голове, «затягивали жгут» на шее. Потом отвезли в Новоазовск, где угрожали расстрелом.

У Ищенко была гипертоническая болезнь 3-й стадии с самой высокой, 4-й степенью сердечно-сосудистого риска. Несколько раз в суд ему вызывали скорую,

Ищенко задыхался и просил доставлять его на заседания «по-другому».

Адвокат несколько раз обращался в ГУФСИН по Ростовской области с ходатайствами об освидетельствовании Ищенко и оказании медпомощи. 29 сентября 2023 года медицинское освидетельствование провели. Врачебная комиссия установила «отсутствие заболеваний, включенных в перечень тяжелых заболеваний, препятствующих содержанию под стражей». 31 июля 2024 года на очередном заседании суда сообщили, что Ищенко умер в ростовском СИЗО-5. Экспертиза не смогла установить причину смерти из-за «гнилостных изменений органов и тканей трупа».

Владислава Майборода, 25 лет

Владислава Майборода. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Поступила в «Азов» поварихой по контракту в ноябре 2020 года. Там предлагали большую зарплату, а мать Владиславы в одиночку растила ее младшего брата.

22 февраля 2022 года приехала в часть с вещами: предупредили, что будет казарменное положение. Вскоре все перешли на «Азовсталь». 17 марта поварих вывезли в центр Мариуполя и сказали расходиться. С несколькими женщинами почти месяц пряталась от обстрелов в подвале, потом в их доме. 25 апреля в Старобешево не прошла фильтрацию. Говорит, что

в донецком УБОП ее не пытали, «покричали, но это так». Как и все, поначалу «отказалась» от адвоката — «сказали подписать». Страдает пиелонефритом, гастритом и панкреатитом, в суде жаловалась, что в донецкий СИЗО не передавали лекарства.

Была замужем за военнослужащим Нацгвардии, от адвоката узнала, что он погиб в начале войны при патрулировании улицы, вероятно, «от разрыва гранаты или снаряда».

Александр Мероченец, 26 лет

Александр Мероченец. Фото: Александра Астахова / Медиазона

В 2017 году подписал контракт с Нацгвардией, из-за разногласий с командирами перешел в «Азов». Служил в Мариуполе, был командиром гранатометного отделения. Большинство сослуживцев были родом из Донбасса; в «Азове» все «действовали сугубо в рамках закона». С 2021 года, согласно приказу командования, «умники, которые хотели заняться кощунством» и пропагандировали в части политический радикализм, «порицались и наказывались».

Участвовал в обороне Мариуполя, получил травму. Когда оперативная обстановка уже «была в плачевном состоянии», решил с сослуживцами «выдвинуться на прорыв к Запорожью к союзным силам». Утром 13 апреля группа попала под стрелковый огонь, начала

рассеиваться, но тут послышались крики: «Сложить оружие».

Накинули мешок на голову, связали скотчем руки, погрузили в транспорт и доставили в распределительный пункт Новоазовска, где «собирали людей с такой же судьбой». О событиях во внешнем мире узнавал только от людей, которые «находились возле и находили смелость заговорить». 22 апреля допросили в УБОП, о праве на адвоката даже не знал. В суде показания не признал: «Есть то, что человек хочет слышать. Он мне об этом говорит. Я говорю то, что он хочет слышать». Согласно медицинскому заключению, имеет «очаговое опухолевое образование в районе желудка».

Олег Мижгородский, 45 лет

Олег Мижгородский. Фото: Александра Астахова / Медиазона

В 2016 году приехал из Черниговской области в Мариуполь увидеть женщину, с которой познакомился в интернете. Остался у нее. Работу по профессии инженера-механика найти не смог, нужны были деньги. От отца узнал, что домой принесли повестку. Решил пойти на контракт водителем в Нацгвардию, попал на базу «Азова» в Урзуфе. Скоро стал командиром автомобильного взвода.

Несколько раз хотел разорвать контракт. В августе 2021 года уволился уже из штрафной роты: командование обвинило его в недостаче топлива, Мижгородский «продал все что есть» и выплатил больше 200 тысяч гривен[5]. Работал водителем в частных фирмах.

Пятеро несовершеннолетних детей, четверо — усыновленные, один из них ребенок-инвалид. Что Мижгородский служил в «Азове», оккупационным властям сообщили соседи. Забрали из дома в конце марта «на глазах у детей под дулом автомата», говорила в суде его жена. Сам он вспоминал: «Надели мешок на голову, повозили по Мариуполю, потом отвезли в Володарского в полицию». В Донецке во время следствия получил незаживающую рану на ноге.

Ирина Могитич, 43 года

Ирина Могитич. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Жила в Урзуфе, ухаживала за дочерью с инвалидностью I группы, помогала больным родителям. Когда осталась без работы, пошла в «Азов» вольнонаемной поварихой. В апреле 2021 года подписала контракт: «Зарплата хорошая и пенсия, отпуск, больничный, соцпакет». Перед началом войны сломала руку, была на больничном. Предлагали эвакуироваться, не стала: «Как я могу бросить своего ребенка, своих родителей, свой дом?».

26 марта 2022 года отправили на фильтрацию: семье объясняли, что «на три дня просто проверить информацию». Отвезли в Мангуш, оттуда в Докучаевск, потом в донецкий УБОП, позже в Еленовку. «Мешок, скотч — это естественно». Специально показывали, как избивают других пленников. На допросах угрожали: подписывай, «если хочешь остаться с почкой, с мозгами». В суде показания на следствии не подтвердила: «Борщ варить меня учили бабушка и мама, они русские по национальности».

Александр Мухин, 32 года

Александр Мухин. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Жил в Мариуполе. Служил по контракту в «Азове» с 2017 по 2018 год. Был стрелком и помощником гранатометчика, занимался противодесантной обороной. Потом уволился: «Не мое это». В суде отказался от дачи показаний: «По существу

предъявленных обвинений я могу сказать только то, что я когда-то являлся военнослужащим данного подразделения, а именно "Азова". Все остальное я не признаю и, соответственно, на вопросы отвечать также не имею желания».

В последнем слове рассказал, как его задерживали: «Война, заходят в дом какие-то люди, бьют, надевают на голову мешок, вывозят, это было то ли 20-го, то ли 21 марта». При этом официально «обнаружился» в СИЗО-1 Донецка только 7 или 8 апреля: «Мало кого интересует, где я был в этот промежуток». Сам «не знает, где был», мешок с головы не снимали. Документы подписывал «знать не знает какие».

Лилия Павриандидис, 30 лет

Лилия Павриандидис. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Родилась в Бердянске, какое-то время работала в Москве. В 2019 году вернулась в родной город, чтобы помогать бабушке. С работой было тяжело, «город маленький, фермерский». Решила идти вольнонаемной в «Азов» ради большой зарплаты, после стажировки в июле 2020 года по требованию руководства заключила контракт. Работала поварихой холодного цеха при гарнизоне в Селидово, на выходные ездила домой.

До 17 марта была на «Азовстали». Когда командир «дал добро» на выход женщин, оказалась в одной из

групп, которую вывезли в центр Мариуполя. Вместе с несколькими поварихами решила сдаваться, все были задержаны «сотрудниками ДНР и Чеченской республики». 20 марта привезли в Иваньковск, без защитника оформили административное задержание и отправили в Еленовку. 13 марта доставили в Донецк в Генпрокуратуру ДНР, «сказали, что адвокат не нужен». С материалами ознакомиться не могла: развязали руки и сняли мешок с головы, только когда нужно было подписать показания, в которых «многие фразы просто перефразировали».

Лилия Руденко, 41 год

Лилия Руденко. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Жила в Донецкой области с мамой, мужем и двумя детьми. В январе 2020 года попала под сокращение, прошла курсы поваров и подписала контракт. Была на «Азовстали» до 17 марта 2022 года, оказалась в группе поварих, которые решили сдаваться и пошли по направлению к блокпосту. Ночь продержали в гараже, столько же в Мангуше, потом в Докучаевске, в донецком УБОП и ИВС. 30 суток провела в Еленовке и донецком СИЗО. Везде допрашивали, «люди в форме и с шевронами» завязывали скотчем руки и глаза.

В УБОП били. Когда отказывалась подписывать протокол допроса, следователь смотрел на конвой и говорил: «Подпишешь». Никто из задержанных не читал документов и подписывал, «куда покажут

пальцем». «В последний момент», уже в прокуратуре, Руденко вменили организацию террористического сообщества вместо участия в нем. Адвокат говорил: «Тебе это на пользу». Вероятная причина — за несколько лет работы дважды подменяла заведующую и «немножко больше контролировала процесс приготовления пищи», хотя «даже возле границы ДНР не находилась, ни в чем не участвовала, ничего не хотела захватывать».

Алексей Смыков, 28 лет

Алексей Смыков. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Родители — этнические русские, родственники по отцу — граждане России. Служил в «Азове» с 2018 года. Был снайпером, наводчиком минометного расчета, пулеметчиком и радиотелефонистом-водолазом — пробовал разные специальности «из интереса». В 2019 году выполнял боевые задачи — вел огонь, но «больше на подавление противника».

6 марта 2022 года во время выполнения боевой задачи с обморожением и осколочным ранением захватили «вооруженные республиканцы». С пакетом на голове повезли в двухэтажный деревянный дом, где Смыкова допрашивали росгвардеец и «некий комиссар». Потом с мешком на голове увезли в другое здание. Там человек, который вел допрос, наносил удары пистолетом по голове; позже человек с кавказским акцентом бил в грудь. Первый допрос

длился около десяти часов, второй — около восьми, перерывов не было. Рядом пытали другого пленника, «в результате он умер». Держали на гауптвахте, потом госпитализировали в донецкий районный медцентр, но и оттуда дважды водили на допросы. Отказ от защитника подписал, когда прокуроры сказали, что Смыков «не человек, животное, а у животного нету прав». С протоколами допросов не согласен, в них «все переврали».

Марина Текин, 34 года

Артем Гребешков и Марина Текин. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Жила в Мариуполе с дочерью, отцом и братом, работала в общепите. После пандемии ковида семье стало не хватать денег, в апреле 2021 года пошла поварихой в «Азов» по контракту. Как рассказывал в суде брат Марины, она часто брала больничный: у дочери проблемы с бронхами. С 22 февраля 2022 находилась на казарменном положении, перешла на «Азовсталь», оставалась там до 17 марта. Когда позволили уйти, сидела в подвале в городе, потом вернулась домой. 25 апреля пошла на фильтрацию со всеми вещами и кошкой. «Просто хотела покинуть эту территорию», поверила в то, что услышала: «Приходите, сдавайтесь, говорите, что вы бойцы, и пойдете домой».

Задержали. Сидела в Старобешево в подвале, кошку выкинули, семье позвонить не дали. Потом сутки

держали в донецком УБОП. Показания подписала: «Невозможно было не подписывать эти все бумаги никому, просто ужас там творился». На допросах сидела в наручниках и мешке, его сняли с головы, только когда приехал адвокат, который уехал сразу после того, как представился. Потом перевели в ИВС, позже в Еленовку. Родственники не знали, жива ли она, до начала суда в Ростове.

Никита Тимонин, 29 лет

Никита Тимонин. Фото: Александра Астахова / Медиазона

В 2019 году заканчивалась отсрочка от призыва, подписал контракт с Нацгвардией. Через год перевелся в «Азов» на должность стрелка-гранатометчика, чтобы быть поближе к девушке, которая жила в Мариуполе. В суде говорил, что идеологическую работу в части не проводили: «Какие-то взгляды у определенных людей не касались в общем полка». В начале войны был на тыловом пункте. 15 апреля силовики из ДНР задержали Тимонина «где-то в полях», когда он решил уйти с позиции. Был без оружия.

Десять дней держали в донецком УБОП. На голове почти все время был мешок. В протоколах допросов «налепили все подряд», говорил, «что лезло в голову»: «Сутки почти током били. Я видел защитника где-то минуту, он отдал мне сигарету и вышел из кабинета».

О том, что в мае 2022 года у него родился второй ребенок, узнал уже в Ростове. Сына видел только на фотографиях.

Олег Тышкул, 55 лет

Олег Тышкул. Фото: Александра Астахова / Медиазона

Служил в советской армии. В марте 2015 года получил повестку по мобилизации, попал в в/ч 3057. Там предложили поступить в отряд специального назначения — «Азов». Вырос от рядового бойца до командира пехотной роты. Выполнял задачи по противодесантной обороне побережья. К жителям самопровозглашенных республик относился нормально: «Те же граждане Украины, только за Путина». Говорил, что преступлений личный состав в его подчинении не совершал: «Мы люди военные, жили по уставу ВСУ и по закону Нацгвардии». Прокурор интересовался, видел ли Тышкул людей с «националистическими» татуировками.

— Если у человека, извиняюсь, татуировка герба Украины — это националистическая татуировка или нет?

— Я имею в виду касаемо фашистской Германии.

— У меня [в роте] этого не было.

После инсульта «не мог выполнять свои обязанности» и в 2021 году уволился. Задержали 2 апреля 2022 года во время «зачистки района»: «Вышел, показал документы, потом двое суток у меня был мешок на голове». До 5 апреля держали в УБОП, «представьте, что там было с командиром роты». Били током. Подписывал протоколы без очков, «где показывали». «Если брать оригинал подписи, она будет мало похожа на мою». До 12 мая был в ИВС Донецка, до 8 июня — в СИЗО «Металлург»: «Мучали везде — кто мучал, не представляю, находился в мешке с завязанными глазами и руками. Иногда просто 20 часов били».

Дело

В чем обвиняли пленных из «Азова»

Обвинительное заключение по «делу 24-х» было готово уже в конце августа 2022 года. Его подписал старший следователь по особо важным делам Генеральной прокуратуры ДНР Вадим Косырев и утвердил заместитель генпрокурора ДНР Роман Белоус.

В начале 855-страничного документа сказано, что в 2014 году украинские власти создали в Бердянске «структурированную военизированную организованную группу Батальон особого назначения "Азов"».

Служили там сторонники «идеологии неонацизма и национал-социализма», которые «испытывали ненависть и враждебно относились к жителям

Донецкой Народной Республики и Российской Федерации ввиду русской национальности указанных жителей и их политических взглядов».

«Азов», говорится далее, лишь «прикрывался» словами о патриотизме, а на деле был создан для «пропаганды идеологии насилия» и «дестабилизации органов власти Донецкой Народной Республики и воздействия на принятие ими решений».

В 2014 году бойцы «Азова» «под видом проведения так называемой антитеррористической операции» вторглись на территорию ДНР и взяли под контроль побережье Азовского моря, в том числе Мариуполь, и «иные части ДНР», где «произвели насильственный захват власти в нарушение Конституции ДНР и насильственно удерживали власть» вплоть до начала полномасштабной войны.

В обвинении подчеркивается, что Верховный суд ДНР 21 июня 2016 года признал «Азов» террористической организацией.

Бойцы подразделения действовали не только по мотивам ненависти и вражды в отношении жителей ДНР и России, но и из корыстных побуждений: для «улучшения своего материального благосостояния путем получения высокого денежного довольствия и льгот участника боевых действий», а также ради доступа к природным ресурсам, «находящимся в собственности народа Донецкой Народной Республики».

При этом прокуроры подчеркивают, что военные «проходили курс подготовки молодого бойца

под руководством специалистов-инструкторов», а полученные знания использовали против жителей ДНР.

Отягчающими обстоятельствами обвинение называет не только «мотив политической и национальной ненависти и вражды», но и то, что преступление совершено «в условиях иного общественного бедствия — военного времени, а также <ÿ.ÿ с использованием оружия».

Формулировки обвинения таковы, что даже работа на кухне и в подсобке не выглядит чем-то безобидным: повариха Елена Аврамова, «реализуя единый с иными участниками преступной террористической организации умысел, <ÿ.ÿ готовила и выдавала пищу участникам», а разнорабочий Олег Жарков «выполнял хозяйственно-бытовые, ремонтно-строительные работы по содержанию инфраструктуры, поддержанию порядка и обеспечению жизнедеятельности» подразделения.

В сентябре 2022 года дело поступило в донецкий суд, который через несколько месяцев передал его в Южный окружной военный суд в Ростове-на-Дону.

Что произошло с делом при передаче из ДНР в Россию

Исходно обвинение в «деле 24-х» было квалифицировано по статьям уголовного кодекса самопровозглашенной ДНР.
Всем без исключения фигурантам вменяли статьи 323 (захват власти) и 234 (организация

деятельности террористической организации или участие в ней) УК ДНР.
При этом выбор между частью 1 (организация) и 2 (участие) статьи 234 зависел от должности.
Так, начальницу столовой Лилию Руденко и завскладом Наталью Гольфинер обвинили по более тяжкой части 1: первая «организовывала и контролировала работу столовых преступной террористической организации», вторая «организовывала и контролировала работу продовольственного склада преступной террористической организации».
Из числа военных «организаторами» следствие называло Гребешкова, Грицыка, Касаткина, Мижгородского и Тышкула. Остальным обвиняемым вменялось только участие.
Статью 232 УК ДНР (прохождение обучения в целях террористической деятельности) предъявили только 11 военным.
Позже обвинение переквалифицировали в соответствии с российским УК: всем фигурантам вменялась часть 4 статьи 35, статья 278 (насильственный захват власти, совершенный преступной организацией) и статья 205.5 (организация деятельности террористической организации или участие в ней).
Кроме того, военным вменили статью 205.3 УК РФ (прохождение обучения в целях террористической деятельности).

Как проходил процесс в Ростове

Южный окружной суд Ростова-на-Дону начал рассматривать дело против 24 украинцев 19 июля 2023 года.

На заседаниях обвинение представляло доказательства преступлений «Азова» — сводки самопровозглашенной ДНР, статьи из интернета, видео российских пропагандистских медиа, отчеты комиссара ООН за 2014-2016 годы.

Несколько томов дела занимают протоколы допросов потерпевших из Мариуполя: они обвиняли украинских военных — в том числе, из «Азова» — в убийствах и разрушении жилых домов, изъятии имущества, избиениях, пытках. Суд разрешил прокурору зачитать эти показания в сокращении.

Защита отмечала, что судебное разбирательство должно проводиться только в отношении обвиняемых и по предъявленному им обвинению.

— Таким образом гособвинение пытается демонизировать в том числе и наших подзащитных, потому что раз из батальона «Азов» кто-то совершил преступление, значит, наши подзащитные тоже, — говорил один из адвокатов.

В суде допросили специалиста по «вопросам, связанным с историей Украины» — социолога Максима Васькова, который рассуждал о копировании «Азовом» «различных аспектов из идеологии и атрибутики Третьего рейха» и заявил, что цель подразделения — «создание расово чистой Украины».

Подсудимый Александр Мероченец поспорил с ним про воинское приветствие «Азова»: говорил, что оно регламентировано приказом командования — «рукой к сердцу, как при исполнении гимна» — и непохоже на нацистский салют. При этом даже Васьков не отрицал, что «в обеспечивающих подразделениях могли быть абсолютно разные люди, которые могли просто прийти туда зарабатывать».

Другие доказательства обвинения — результаты осмотра телефонов, обысков и документы, найденные в местах дислокации «Азова» после захвата Мариуполя российской армией — подтверждают только причастность подсудимых к подразделению. Хотя вину они не признали, службу в «Азове» ни один из обвиняемых и не отрицал.

Адвокат Ирины Могитич Павел Косован в начале процесса ходатайствовал о прекращении уголовного дела. Он отмечал, что деяние, которое вменяется-
[6] его подзащитной, совершено еще до признания

«Азова» террористической организацией. А никаких действий, направленных на насильственный захват власти ни в Российской Федерации, ни в самопровозглашенной ДНР Могитич вообще не совершала.

Адвокат Нины Бондаренко Мария Эйсмонт просила признать свою подзащитную военнопленной, потому что «фактически она преследуется исключительно за принадлежность к вооруженным силам одной из сторон вооруженного конфликта», и на нее должны распространяться все гарантии военнопленным, включая запрет на уголовное преследование.

Никита Тимонин на одном из заседаний тоже напомнил, что согласно Женевской конвенции 1949 года, украинцев «должны держать в лагерях для военнопленных, а на каком основании держат в СИЗО, вообще не очень понятно».

В противовес представленным гособвинителем видеоматериалам защита ходатайствовала об исследовании документального фильма «20 дней в Мариуполе» украинского режиссера Мстислава Чернова — суд отказал в этом.

Ирина Могитич — о впечатлениях от первого заседания в Ростове-на-Дону:

— Ну нас когда привезли уже с Донецка, на следующей неделе у нас должен был состояться суд. Он состоялся, суд... Согнали все федеральные каналы, были все. Там просто яблоку негде было упасть. Это был просто звездец какой-то. Там и ТРК-[7], и «Звезда», и НТВ, как там еще ее? «Россия-24», «Планета» — короче, все. И когда они зашли, и тут мужики все худые, страшные, добитые, убитые, зачесанные, в ранах в этих гниющих... Мы, женщины — седые, старые. У нас все девчонки просто высохли, постарели все. Пацаны тем более — они все битые, все перебитые.

Потом пошла эта волна о том, что... Повара, бывшие военнослужащие, вольный найм у нас тоже есть — мужчина, которого до сих пор держат, судят как азовца, блядь. Тем более, там еще девчат группировка. Ну что это? Вы серьезно? Мне потом сестра — нам тогда можно было еще свидания, и сестра моя приехала — она говорит:

> «Ой, Ира, этот суд поднял такую панику в сети, в интернете! Кого, кого вы судите, вы серьезно?». А там такие заглавия выходили: «террористическая группа "Азов"», туда-сюда, такие-то там, блин, кровожадные. А когда стали копать глубже, а кто, кто кровожадный-то? Люди босиком. У нас в Донецке они вытягивали людей, накинули мешок на голову, обутые, разбутые — по барабану вообще, глубоко всем наплевать — и так тащили.

Ужас

Украинцы упоминали о насилии и издевательствах с самого начала судебного процесса.

Первыми в июне 2023 года об этом сообщили несколько женщин — Аврамова, Руденко, Павриандидис и Майборода — когда ходатайствовали об ознакомлении с материалами дела.

Они рассказали, при каких обстоятельствах подписали в Генпрокуратуре ДНР расписки «об ознакомлении в полном объеме»: женщин держали с мешками на головах и в наручниках. Их сняли на время, когда нужно было поставить подпись, а потом надели обратно. Аврамова добавила, что вообще не могла читать — очки ей не давали, несмотря на дальнозоркость.

Физическое и психологическое насилие к обвиняемым применяли везде, где они находились.

Следственный изолятор в Еленовке, 17 мая 2022 года. Фото: Alexander Ermochenko / Reuters

Фильтрация — УБОП в Донецке — Еленовка

После обмена Ирина Могитич рассказала «Медиазоне», что в подвале в поселке Мангуш, где ее вместе с другими украинцами держали в первые дни плена, какая-то женщина из числа силовиков самопровозглашенной ДНР «с психом» попыталась сломать ей руку. Потом Могитич угрожали расстрелом.

Дальше пленников вывезли в Докучаевск, где к людям из «Азова» тоже «относились с повышенным вниманием».

— Вот просто один стоит с бумажкой и говорит: «Вот это азовец. Вот этого убить. Вот этот нужный человек, этот стукачок. Вот этого гладить по головке, этого бережно надо вести. Вот эту курицу, можно руки ей поломать». Ну, это я. Потому что я тоже азовец, — вспоминает Могитич.

В Докучаевске, по словам женщины, украинцев держали «в стаканах, где нереально было сидеть», три дня без еды и воды. Ее, как служащую «Азова», допрашивали отдельно, «угрожали, что расстрелять надо, что жизни вообще недостойна».

О жестоком насилии в донецком УБОП, куда Могитич отвезли после четырех дней в Докучаевске, говорили почти все пленные украинцы.

«Там били и кулаками, и ногами, и палками, и ПР-[8], все, что у них могло быть под руками, все они использовали. Тот, который начинал сразу бить, даже был без маски. Больше всего запомнилась ярость в его глазах», — вспоминает другая обменянная Нина Бондаренко.

Алена Бондарчук говорит, что избивали всех, кто находился вместе с ней в УБОП, в том числе, «старого дедушку». У украинцев пытались узнать, «где российские пленные». Могитич рассказывает, что в здании УБОП задержанные спали на полу, за неимением подушки она подкладывала под голову свои сапоги. Ее не били, но «осознанно спускали в камеру для пыток».

Адвокаты у подсудимых появились только в августе 2023 года, когда им вменили статьи, предусматривающие пожизненное лишение свободы-[9] и смертную казнь[10].

До этого всех заставили подписать отказ от защитника. Следователи говорили, что защищать украинцев никто не возьмется, а если и возьмется — то тоже будет в опасности.

Олег Тышкул в суде говорил, что подписал отказ, потому что «сделали предложение, от которого тяжело отказаться».

— Есть такой момент, когда конвоирам говорят: «Выйдите, поработайте». Я там не был, но я слышал много крика, — вспоминал он.

Но даже когда защитники появились, следствию они не мешали.

Алексей Смыков на одном из заседаний вспоминал: «Первое, что [адвокат] мне сказала, что лучше бы тебя забили. Я понял, что мы с ней сработаемся. После, в принципе, мы с ней не общались. После вопроса, который мне прокурор поставил, я на нее посмотрел, сразу все понял и сказал, что да, конечно. Свои действия как защитник она не выполняла от слова совсем».

Украинцы ходатайствовали о признании недопустимыми доказательствами тех показаний, которые они дали в донецком УБОП, но суд им отказал. Некоторые из подсудимых подавали заявления о недозволенных методах следствия — но в возбуждении уголовного дела им тоже отказали. Защита отмечала, что ни опроса пострадавших, ни медицинских экспертиз при этом не проводилось.

В Еленовке, где украинцы отбывали сутки административного ареста, по словам Нины Бондаренко, «очень сильно били» тех, кто сказал, что собирается писать заявление о пытках в УБОП. «Было слышно, как у них ломали на грудной клетке ребра», — говорит Бондаренко.

Могитич говорит, что видела, как человек, одетый «как палач», «ножом бреет голову мальчикам без всякого моющего [средства]».

Елена Аврамова в суде вспоминала, как на глазах у женщин «просто до ужаса» избивали палками и дубинками пленных мужчин: «После этого зрелища, я вам скажу, не очень станешь разговаривать о своих правах».

Аврамова попала в Еленовку чуть позже остальных. В камере ее «повергло в шок» то, что она увидела: Паврианидис, Бондарчук, Бондаренко и Руденко были сильно избиты. По словам Аврамовой, «в камере на двоих человек» было 12 женщин, «не было воды, никаких вещей, матрасов, ничего», и было «довольно холодно».

На вопрос судьи, просила ли она помощи, Аврамова ответила: «Какой помощи можно было попросить, если ты сидишь, а за дверью каждый день людей избивают? У меня до сих пор эти крики в голове».

СИЗО-1. Донецк

Донецкий СИЗО-1, в котором подсудимым пришлось провести больше года, они называют самым страшным местом.

Обменянные женщины рассказывают, что с шести утра до десяти вечера пленным приходилось стоять на ногах и петь российский гимн, «Катюшу» и скандировать кричалки.

— Мы кричали: «Ахмат — сила», «Донбасс — сила». Каждую минуту на весь пост кричали, весь день. Если кто присел, открывали камеру и всех били, — вспоминает Бондарчук.

В женской камере было только десять коек, поэтому некоторые спали на полу, а некоторые пытались уместиться на кровати вдвоем. Постельного белья не было, матрасы выдавали «обоссанные».

— Ну, дай Бог, если тебе там дадут одеяло, и то, которое валяется на продоле, кошками обоссанное, крысами затоптанное, дырявое, — рассказывает Могитич.

Чтобы женщины не могли присесть днем, матрасы забирали каждое утро. В душ, на допросы и обратно водили в мешках. Женщинам, у которых не прекратились месячные, не давали прокладки.

— Говорили: «Рви матрас, тварь», — вспоминает Могитич. — Туалетную бумагу делили, зубную пасту также делили. Кусочек мыла делили на четыре, на шесть человек это мыло делили. И этим обмылочком вот что хочешь делай: то ли ты моешься этим обмылочком, то ли ты стираешься этим обмылочком, то ли моешься и стираешься этим обмылочком.

Елена Аврамова в суде рассказывала, что по прибытии в донецкий СИЗО женщин заставили заползать в камеру. Могитич добавляет, что это практиковалось регулярно: «Просто ползешь по коридору, как червяк, это их такое развлечение, наверное. Ползи, тварь. И ты ползешь по этому продолу, по этому подвалу. Там, где крысы бегают, там, где говно течет. А что

ты будешь делать? Будешь, будешь ползти. Ты же не хочешь, чтобы тебя убили там в этом продоле?».

По ее воспоминаниям, женщины, которых привезли в СИЗО раньше, «были все синие: и спины, и попы, потому что когда девчата ползли, если там, не дай бог, поднимешь попу, они били просто палками».

Алена Бондарчук говорит, что в донецком СИЗО похудела на 16 килограммов. По словам украинок, им давали одну «собачью миску» на два-три человека без ложек.

— Шкурки с картошки, понимаете, это просто даже не суп, а с чего чистили, из того и сварили. Бычки... Волосы, все что хочешь там было. Как-то приносили даже кисель с хлоркой, — вспоминает Бондаренко.

— Хлеб с плесенью в середине, такой мокрый, как клей. Мы выбирали самую горбушку и ели, потому что хлеб невозможно было есть, — вторит ей Бондарчук.

Воды давали мало, однажды не приносили восемь дней.

— Пару раз гуманитарку давали только ВСУ, «Азову» и «Айдару» не давали, — отмечает Могитич.

Она рассказывает, что вместо окон в камере были «какие-то стекла», женщины постоянно мерзли, у многих начался цистит, а добиться прихода медика было очень трудно.

Украинки рассказывают, что в Донецке люди начинали «гнить» — причины и природа этого явления остаются неясными.

Могитич объясняет, как это выглядит: «Это, знаете, когда ты ложишься, вроде бы как у тебя ничего нет, а ты ночью просыпаешься от того, что у тебя боль ужасная в какой-то области. Там образуется пузыречек такой с черной точкой. Если ты этот пузыречек не срываешь, он растет дальше. Потом, когда ты его срываешь, либо он прорывает, у тебя появляется язва и дырка в мясе. У меня выгнило пол-ладони: три пальца влазили в мясо между большим и указательным пальцем. И это было по всему телу: пятки, между ягодиц. Это было ужасно больно, настолько, что просто завал. Ступни, живот, грудь, бока, внутренняя сторона локтей».

Она вспоминает, как ей помогала сокамерница по имени Марина, медик из «Айдара»: из нескольких таблеток фурациллина, которые выдали сотрудники СИЗО, Марина делала «мыльную пену» и «наносила на мясо». Бондарчук говорит, что не могла ходить из-за нарывов, и ее собирались перевести в медпункт, но потом решили, что «там холодно, и она вообще замерзнет».

На первом заседании суда в Ростове ее язвы видел адвокат. У Могитич до сих пор остались шрамы «на руках, груди, животе, ягодицах, ногах».

О том, как в донецком СИЗО-1 обращались с пленными мужчинами, в суде рассказывал Алексей Смыков. По его словам, первое время его содержали в одиночной камере, оскорбляли и обещали убить.

Потом заставили мылом приклеить на стену портрет Путина, вилкой выцарапать на стене «Слава России» и дали учить слова российского гимна.

Позже к Смыкову подселили двоих сокамерников. Однажды, пока один из них отвечал наизусть гимн, Смыкова и второго соседа избивали, после этого Смыкову переломали пальцы на ногах. В еду бросали шелуху от семечек, окурки, горелые спички, пережеванную жвачку, в кашу могли налить шампунь. Ближе к концу лета 2022 года Смыкова перевели в подвал, в переполненную камеру. Туда же со временем стали «закидывать» других пленных из «Азова». Били их так, что однажды сломалась палка, рассказал в суде Смыков. Он упоминал «обливание кипятком гениталий, тушение окурков об конечности, ломание пальцев, вырывание ногтей».

Вернувшиеся в Украину по обмену женщины подтверждают его слова.

Бондарчук рассказывает, что они слышали, как мужчин ставили на колени, били и требовали не кричать — иначе угрожали бить сильнее.

— Мальчиков били, их очень сильно били, их били палками так, что у них ломались кости. Я, наверное, никогда не забуду этот звук, когда лопается кожа, когда ломаются кости. Это страшные люди. Привязывали электроды. Один у нас умер, потому что его засверлили дрелью. В соседней камере мужчина умирал просто потому, что у него все было отбито. И он умер по итогу и несколько дней еще лежал с пацанами, пока они его не забрали, — говорит Ирина Могитич. — А наших ребят когда били, мы в

глазок просто видели, как они толпой заваливаются в камеру и бьют в том положении, в котором есть. Ну и вытаскивали на продол, на продоле дальше продолжали.

Елена Аврамова в суде рассказывала, что в Донецке украинцев допрашивали российские следователи. Бондарчук подтверждает, что в изолятор приезжали «люди из Москвы».

— Нас по одному в кабинет вызывали и спрашивали, откуда мы, где что, где были. Говорили, что мы ничего не знаем, мы повара. «Все вы врете, вы снайперы». Мы: «Нет, какие снайперы, мы повара», — вспоминает Бондарчук.

О том, где они находятся, родственникам узников донецкого СИЗО-1 никто не сообщал. Передать фамилии сокамерниц бабушке смогла одна из гражданских заложниц, но и после этого принимать передачи для украинок в СИЗО-1 отказывались.

— Даже лекарства первое время не хотели принимать, — говорит Бондаренко.

Вид на здание СИЗО-1 в Ростове-на-Дону. Фото: ТАСС

СИЗО-1. Ростов-на-Дону

По словам обменянных женщин, в ростовском СИЗО-1[11] «было намного лучше», чем в донецком.

Могитич вспоминает, что и там «сначала были, естественно, оскорбления: твари такие, фашистские-херистские». Потом одному из сотрудников, «наверное, стало жалко девушек»: их накормили и отвели в баню, а на следующий день осмотрели у медиков.

В то же время в феврале 2024 года Никиту Тимонина привезли в суд с температурой 39° — по его словам, в изоляторе сказали, что он должен быть на заседании «при любом раскладе». На заседании в марте 2024 года Тимонин спрашивал судей, «к кому можно обратиться по поводу содержания в СИЗО».

— Нас не водят на прогулки, нас водят раз в три недели в баню. Перенаселение. Нас на прогулку не водят просто по национальному признаку. Всех россиян водят, украинцев не водят. Почему так происходит? У нас же такие же права, как и у россиян, правильно? — говорил он.

В мае 2024 года украинцы на одном из заседаний пожаловались, что месяцами не получают разрешений на свидания и звонки — председательствующий советовал им написать заявление на имя председателя суда.

Кроме того, пленные жаловались, что в суде им не дают пользоваться письменными принадлежностями. Один из них рассказывал, как у него отобрали материалы дела, которые он только что

получил для ознакомления: «Мотивировали тем, что там нацистская символика, а там герб Украины».

В начале судебного процесса подсудимых конвоировали сотрудники СОБРа. Делали они это с демонстративной жесткостью: на мужчин надевали кандалы, их били, женщин держали в наручниках, грубо подгоняли и вели в позе ласточки[12].

Потом такая практика прекратилась, но 15 мая 2024 года к конвоированию снова привлекли СОБР. Паврианидис, у которой уже была одна черепно-мозговая травма, били головой об стену и об пол. Могитич тогда попросила у суда «хотя бы смягчить» конвоирование.

— Можно, чтобы не таскали, чтобы не нагибали, чтобы не угрожали, чтобы не затаскивали, чтобы не били, не душили, не издевались, не угрожали? Ну, хотя бы это. Мы же ничего не можем сделать. У нас руки за спиной, нас тащат, как собак каких-то. Ну, пожалуйста, я вас очень прошу. Это правда страшно. Нам надо будет ехать еще назад в СИЗО, — говорила она.

«Медиазоне» Могитич объяснила, что обратилась к суду с просьбой «немножко на место поставить своих собак, блядь, бешеных» после того, как услышала, что «девочка орала на все здание: ей вывернули руку, тащили и говорили, что тварь, паскуда».

Могитич говорит, что из-за «выкрученных рук» у нее остались «по две блокады в плечах», а колени разбиты с тех пор, как сотрудники СОБР заставляли ее ползти

по лестнице. Мужчинам-украинцам, по ее словам, собровцы «разбивали головы».

В мае 2024 года подсудимые подавали суду коллективное заявление, в котором просили не привлекать к конвоированию СОБР. Они писали, в том числе, что их «без необходимости заставляли бежать с низко опущенной головой, с высоко вывернутыми назад руками, вследствие чего многие падали». После этого в суд украинцев стала сопровождать полиция.

Обмен

Ростов — Воронеж — Беларусь — Украина

Двоих обвиняемых, Дмитрия Лабинского и Давида Касаткина, вернули в Украину в результате обмена еще до начала судебного процесса и судили заочно.

В сентябре 2024 года стало известно, что в очередной обмен пленными вошли все женщины, обвиняемые по «делу 24-х» — Елена Аврамова, Нина Бондаренко, Алена Бондарчук, Наталья Гольфинер, Владислава Майборода, Ирина Могитич, Лилия Павриандис, Лилия Руденко и Марина Текин. За месяц до обмена прокуратура запросила им от 16 до 19 лет лишения свободы.

Три обменянные украинки рассказали «Медиазоне», как вернулись домой.

По словам Алены Бондарчук, 9 сентября «постовой с фотоаппаратом» отвел пленных женщин из «Азова»

и «Айдара» в медпункт, где их фотографировали в нижнем белье и опрашивали на предмет жалоб. В три часа ночи всех повезли на этап, не дав возможности предупредить родных.

— Конечно, были какие-то догадки, с одной стороны, но с другой стороны, куда тебя везут? Хрен тебе знает, куда тебя везут, — вспоминает другая обменянная Ирина Могитич.

По словам Нины Бондаренко, «на дорожку» украинцев «пытались унизить» — у нее «хотели забрать ингалятор» от астмы. В первом транзитном СИЗО в Воронеже у Бондаренко «отобрали прокладки» и не дали надеть теплую одежду, хотя «было очень холодно». Она, по собственным словам, «скандалила», за это их вдвоем с еще одной заключенной посадили в карцер. На следующий день они «объявили бойкот и ничего не ели».

— Я там тоже бунтовала: дайте мне моего адвоката. Я имею право на адвоката, я знаю ее. Я в ней уверена, я ее называю Феечка, я и буду ее называть Феечкой всегда, — вспоминает Могитич. — Когда пятеро зашли, говорят, в ваших интересах лечь спать, я говорю: «Ну хорошо, спать так спать».

Дальше украинок этапировали поездом со спецконвоем. Сотрудники СОБР задергивали в вагоне шторы на каждой станции, но «кто-то из девчат увидел, по-моему, Брянск». В Брянске была «жесткая приемка», которая «напомнила Донецк». По словам Могитич, один из конвоиров-мужчин смотрел, как она моется; ни вещей, ни средств гигиены женщинам не дали.

— Они постоянно ходили, там строго надо было, чтобы так кровать была заправлена, чтобы вот уголки были туда, уголки были туда. Я бунтовщик, мне было по барабану. Идите, идите, что вы хотите? Ну дать мне люлей, ну и иди дай люлей. Я все время требовала своего адвоката, естественно, — рассказывает Могитич.

Утром 13 сентября предназначенных на обмен украинцев вывели в «гараж» и спросили, есть ли «вопросы, претензии, проблемы какие-то по конвою». На автобусе до беларусской границы их сопровождал СОБР, который требовал «держать голову вниз».

— Голова вниз, никуда не смотри, блядь, не рисуй[13]

меня. Да на хер ты мне нужен, чтоб я тебя рисовала? Ты, дружочек, я уже запомнила тебя, мой ты хороший, за все это время. Твою походку, твой взгляд, — вспоминает Могитич. В Беларуси конвой сменился. На таможенном пункте украинцев отвели в туалет и дали им «пайки от батька».

После этого пленных повезли на «пункт передачи».

— Что я почувствовала? Я смотрю и я не верю. Я не верю в то, что стоит *такий гарний хлопець*-

. Наш *прапор* Украины, он стоит со мной рядом. Это сон, наверное. Ущипните меня. Это что, сон? — вспоминает Могитич. — Ну, а потом вас *чекають-*[14] дома. И мы так бежали. Идти? Какой идти? Мы бежали, как, я не знаю, эти быки по степи, блядь, чтобы только скорее уже к своим домой. Да на хер мне эти вещи, блин, пусть все там остается.

Можно ли забыть плен и залечить травмы

Бондарчук после обмена три недели лежала в больнице и «боялась выходить на улицу». В марте 2025 года она снова проходила реабилитацию и говорила, что по-прежнему работает с психологами.

— Иногда получается, но иногда бывает, что возвращаюсь мыслями в то, что было, я много плачу, замыкаюсь в себе, — рассказывает она «Медиазоне». После избиения в донецком УБОП у Бондарчук регулярные головные боли.

У Могитич сотрясение мозга, больные суставы и гинекологические заболевания. Она «не может выдерживать» капельницы после того, как ей «выковыривали вены» в Донецке, когда пытались взять кровь.

— Как только нас обменяли, мне назначили, естественно, препараты внутривенно. И я не могла. Я криком орала: «Уберите капельницу, уберите иголку», потому что я не могу иголку чувствовать в своей коже, в своем теле, — вспоминает она.

Могитич считает, что кошмарные воспоминания останутся с ней навсегда, но от медикаментозного

лечения она отказалась — «должна сама все это перенести».

Могитич регулярно общается с другими женщинами, вместе с которыми пережила плен. Все ее имущество осталось на оккупированных территориях. Дочь к матери привезли волонтеры.

— Изменилась ли я? Нет, я какой была, такой и осталась, — говорит она «Медиазоне». — Ну, из-за того, что все это пережито, как-то моя память мне говорит иногда: «Ир, иди отдохни, блядь. Не напрягай меня. Я не помню, и все тут». Хотя у меня с памятью всегда было все хорошо, но тут... Ну, это последствия всего того, что было пережито. Это просто потом будет выходить, выходить. Будет где-то что-то еще проявляться, конечно, естественно. Но это уже переживем.

Редактор: Дмитрий Ткачев

---

1. Официальный статус этого учреждения неясен. В комментариях российских чиновников и сообщениях государственных СМИ его иногда называли «СИЗО» или «изолятором», однако многие пленные оказывались там без решения суда.
2. Елену Абрамову, Нину Бондаренко, Алену Бондарчук, Владиславу Майбороду, Ирину Могитич, Лилию Паврианидис и Марину Текин приговорили к 13 годам колонии общего режима заочно, а Лилию Руденко и Наталью Гольфинер — к 14 годам заочно. Давид Касаткин и Дмитрий Лабинский получили по 23 года строгого режима заочно.
3. Он служил в «Азове» с 2015 по 2022 год.
4. Поступил на службу в январе 2022 года.
5. Больше полумиллиона рублей по курсу 2021 года.

6. По статье 205.5 УК — организация деятельности террористической организации или участие в ней.

7. Вероятно, имеется в виду ВГТРК.

8. Палка резиновая. ПР-73 и ПР-73М — полицейские дубинки, которые десятилетиями применяют силовики большинства постсоветских стран.

9. Статья 234 УК ДНР — организация деятельности организации, которая признана террористической.

10. Статья 323 УК ДНР — насильственный захват власти или удержание власти.

11. Первое время обвиняемых украинцев содержали там, позже — перевели в СИЗО-5.

12. Головой вниз, руки заведены за спину и высоко подняты.

13. Не пытайся запомнить мою внешность.

14. Ждут (укр.).